

Переосмысляя «справедливую войну»

ДЖЕФФ МАКМАН

Именная профессура Томаса Уайта по моральной философии,
факультет философии, Оксфордский университет. Адрес:
Corpus Christi College, OX1 4JF Oxford, United Kingdom.
E-mail: jeff.mcmahan@philosophy.ox.ac.uk.

Ключевые слова: теория справедливой войны;
современная этика; аналитическая этика; «новые войны»;
ревизионистская теория справедливой войны;
справедливость; международное право;
некомбатанты; самозащита.

Статья предлагает ретроспективный анализ генезиса теории справедливой войны, анализирует причины разногласий, возникших вокруг понятия в современной этической мысли. Обращаясь к развиту теории справедливой войны, автор подчеркивает, что на протяжении истории, начиная с Августина, общий подход в этом вопросе оставался единообразным, укорененным в общих этических представлениях эпох. В период с XVII и до конца XX века теория развивалась в тесной связи с международным правом. Это привело к тому, что теория справедливой войны на содержательном уровне стала смыкаться с уставом ООН и Женевскими конвенциями.

И в профессиональной военной среде, и при необходимости дать нравственную оценку тому или иному конфликту точкой отсчета выступает именно теория справедливой войны. Тем не менее определяющий статус этого комплекса этических воззрений все чаще ставится под сомнение.

В первую очередь это связывается с практическими трансформациями самой войны. Изменение действующих акторов в военных конфликтах ставит вопрос об адекватности возложения ответственности на государства, а не на отдельных комбатантов. Предметом самой теории также является не закон, но нравственность, что часто упускается из виду при практическом применении идей. Традиционная теория справедливой войны оказывается ограниченно применимой, если рассматривать феномен войны с позиций все более широкого включения в боевые действия гражданского населения. В ней скрывается целый ряд противоречий, укорененных в желании создать набор кодифицированных правил ведения конфликтов, исключив при этом вопрос о справедливости самой войны. Все это в конечном счете приводит к попыткам создать ревизионистскую теорию справедливой войны, которая будет избавлена от указанных автором недостатков.

ЕСЛИ говорить о нравственности, то едва ли найдется хоть несколько вопросов, по которым все в мире придерживаются одного мнения. Представления о нравственности в различных обществах удивительно вариативны, на что нам с удовольствием указывают моральные релятивисты. Помимо этого, внутри каждого отдельно взятого сообщества тоже существуют фундаментальные разногласия, касающиеся нравственной сферы. К примеру, в Соединенных Штатах Америки люди высказывают радикально противоположные взгляды, когда речь заходит о допустимости аборт, сексуальных отношениях, справедливом распределении благ и многом другом. Такие разногласия начинаются с частных вопросов и заканчиваются более общими, поскольку в сфере морали почти не существует общепризнанных норм, на которые люди могли бы сослаться в спорной ситуации. В то же время на протяжении веков и религиозные, и светские мыслители придерживались одних и тех же нравственных позиций в связи с конкретным вопросом морали. Это вопрос о войне; связанные с ним принципы принято объединять в так называемую теорию справедливой войны.

Теория справедливой войны — одновременно и философская традиция, и учение, возникшее на ее основе; у него нет единого канонического изложения, однако в бесчисленных книгах и статьях, посвященных этике войны в целом или нравственности отдельных войн, приводится основной набор составляющих его принципов. В последние десятилетия наиболее весомым аргументом в поддержку философской основы традиционной теории стала классическая книга Майкла Уолцера «Справедливые и несправедливые войны», в которой также исследуется влияние теории на некоторые вопросы — о превентивной войне, гуманитарной интервенции, терроризме или политике ядерного сдерживания.

Перевод с английского *Марины Бендет*. Статья представляет собой переработанный вариант одноименного текста, вышедшего в двух частях в блоге *Opinionator* газеты *The New York Times* (*McMahan J. Rethinking the “Just War”, Part 1 // Opinionator. 11.11.2012. URL: <https://opinionator.blogs.nytimes.com/2012/11/11/rethinking-the-just-war-part-1>; Idem. Rethinking the “Just War”, Part 2 // Opinionator. 12.11.2012. URL: <https://opinionator.blogs.nytimes.com/2012/11/12/rethinking-the-just-war-part-2>*).

Традиционная теория справедливой войны, повлиявшая на развитие правил ведения войны и потому тесно с ними связанная, на протяжении по крайней мере нескольких веков не вызвала никаких разногласий. Однако наконец они стали возникать; ниже я расскажу о причинах этого. В своем эссе я кратко опишу развитие традиционной теории справедливой войны, а затем приведу аргументы, которые помогут мне продемонстрировать ее несостоятельность.

Развитие теории

Принято считать, что теория справедливой войны берет начало от сочинений блаженного Августина, хотя многие ее элементы сложились лишь много позже, в ее «классический» период — с начала XVI до середины XVII века. В те времена основные положения теории воспринимались как часть единой системы объективных нравственных принципов, регулирующих все сферы жизни человека. Принципы справедливой войны, подобно принципам, действовавшим в отношении честности, торговли, сексуальных отношений и т.д., применялись в качестве ориентира и при оценке действий отдельных людей. Однако позже, после образования независимых государств и появления у людей четкого представления о том, гражданами какой страны они являются, связанные с войной вопросы стали все более эффективно решаться посредством договоров между странами: тогда же теория стала рассматривать войну как взаимодействие государств, а отдельных солдат — как инструменты, посредством которых действуют государства.

В период с XVII и до конца XX века теория справедливой войны развивалась параллельно с международным правом. Но если поначалу она определяла, как именно развивается право, то к XIX веку и в особенности на протяжении XX столетия право приобрело такое практическое значение, что его теоретики стали инициаторами наиболее значительных изменений в нормативных представлениях о войне, а разработчики теории справедливой войны лишь послушно с ними соглашались.

После окончания Второй мировой войны постепенно сложилось представление о том, что нравственные принципы войны точно выражены в системе принципов справедливой войны, которая, в свою очередь, практически идентична законам, вошедшим в устав ООН и женевские конвенции.

И теория справедливой войны, и международное право разделяют право на вступление в войну (*jus ad bellum*) и правила веде-

ния войны (*jus in bello*). Большинство вариантов теории справедливой войны включает шесть принципов *jus ad bellum* с собственными названиями: морально оправданная цель, легитимность власти, справедливость намерений, необходимость или последнее средство, пропорциональность, наличие разумных шансов на успех. *Jus in bello* включает три принципа: разделение на военных и гражданское население, необходимость или минимальное применение силы и, опять же, пропорциональность. Система этих принципов дает некоторое представление о нравственности войны, по своей сути практически не изменившееся за последние триста лет. Теория справедливой войны в нынешнем виде значительно отличается от предшествующего, классического варианта этой же теории — прежде всего потому, что она развивалась одновременно с корпусом права, субъектами которого стали не отдельные люди, а государства. Чтобы отличить его от классической основы, некоторые теоретики называют современный вариант традиционной теорией справедливой войны; я же для краткости буду называть его просто Теорией¹.

Важность Теории

Теорию постоянно упоминают в общественных дискуссиях, посвященных конкретным войнам и военной политике. Когда в начале 1980-х годов Епископальная церковь и католические епископы США сделали официальные заявления относительно нравственной составляющей политики ядерного сдерживания, они сравнили эту политику с принципами справедливой войны, которые были подробно изложены и проанализированы католическими епископами. Спустя несколько лет епископы Единой методистской церкви опубликовали книгу, в которой было сказано:

В то время как заявления римских католиков и сторонников епископальной церкви в конечном итоге отсылают к представлениям о справедливой войне, призванным оправдать политику ядерного сдерживания, мы убеждены в том, что логика этой теории полностью дискредитирует приемлемость такой политики с точки зрения нравственности.

Авторы этого труда критиковали ядерное сдерживание с тех же позиций, что и католики, и сторонники Епископальной церкви.

1. Автор различает: (1) классическую теорию справедливой войны, (2) сменившую ее традиционную теорию справедливой войны (в данной статье — Теория) и (3) актуальную ревизионистскую интерпретацию теории. — *Прим. ред.*

Некоторые профессиональные военные также вполне всерьез относятся к Теории. Ее изучают в основных военных академиях США, причем часто преподающие ее офицеры сами выпускают учебники, призванные пояснить Теорию или продемонстрировать ее применение в деле. (Время от времени военные цинично используют тот или иной принцип Теории. Так, генерал Колин Пауэлл отмечал, что был рад кодовому названию операции по вторжению США в Панаму *Just Cause* (дословно — «справедливое дело»), поскольку «даже самым ярким нашим критикам придется, обличая нас, произнести эти слова — „справедливое дело“».)

Порой к Теории обращаются и политические лидеры, используя ее в качестве ориентира или для оправдания. За десять дней до вторжения США в Ирак в 2003 году Джимми Картер в газете *The New York Times* утверждал, что вторжение будет неправильным решением, поскольку нарушит такие принципы справедливой войны, как последнее средство, разделение на военных и гражданских, пропорциональность и легитимность власти, — при этом он, к несчастью, неверно интерпретировал все четыре принципа. В своей благодарственной речи по случаю вручения ему Нобелевской премии мира Барак Обама тоже ссылаясь на представления о справедливой войне и упомянул такие принципы Теории, как последнее средство, пропорциональность и разделение. Позднее один из помощников Обамы попытался объяснить активное участие президента в актах точечной ликвидации тем, что, прочтя посвященные справедливой войне труды блаженного Августина и Фомы Аквинского, Обама убедил себя в том, что обязан принять личную ответственность за эти действия.

Наступление на традиционную Теорию

Я уже отметил, что в последнее время в связи с Теорией возникает все больше разногласий. Первые трещинки в ее незыблемом фундаменте появились вскоре после публикации в 1977 году «Справедливых и несправедливых войн» Уолцера: тогда несколько философов поставили под вопрос сделанные в книге допущения. Однако за последние пятнадцать лет трещинки превратились в зияющие расщелины. Тому есть две причины.

Первая причина — изменение характера войн. Конфликты последних лет по большей части совершенно не похожи на войны, к которым применима Теория. Сегодня мы часто наблюдаем противостояние не регулярных государственных армий, но регулярной армии и сил, неподконтрольных какому-либо государству. Под это

описание подходят основные военные операции США во Вьетнаме, Афганистане и Ираке, а также недавние внутригосударственные конфликты меньших масштабов в Ливии и Сирии. Кроме того, вспомним продолжающееся противостояние между государствами и децентрализованными террористическими организациями, в которые входят представители самых разных стран. Подобные конфликты, особенно с участием боевиков, не поддаются нравственной оценке в рамках государствоцентричной традиционной Теории.

Вторая причина критики, которую сегодня вызывает Теория, в целом не связана с изменениями в практике военных действий. Однако сюда имеет отношение тот факт, что войны во Вьетнаме, Персидском заливе, Югославии и на Ближнем Востоке заставили приверженцев традиции аналитической философии вновь обратиться к теории справедливой войны. При применении Теории для оценки упомянутых войн эти философы столкнулись с трудностями, ранее ускользнувшими от внимания их коллег. Поэтому они попытались разработать более адекватную теорию справедливой войны. Работа над «ревизионистской» интерпретацией еще не завершена, однако в определенных аспектах она является возвратом к классическому варианту, несколько столетий назад уступившему место традиционной теории. К примеру, новая интерпретация возвращается к представлению о том, что в ходе войны гибнут и совершают убийства отдельные люди, а не государства и что именно они, а не их страны несут основную ответственность за участие в войне и военные действия.

Ревизионистский подход получил широкую поддержку у современных теоретиков справедливой войны. Можно с уверенностью утверждать, что существенное большинство авторов или по меньшей мере философов, пишущих об этике войны, сегодня работают в основном в рамках ревизионистского подхода, а не Теории. Однако новость о переменах в отношении к Теории едва ли вышла за пределы малочисленного круга западных профессиональных философов и исследователей, занятых этим вопросом. Будучи сам приверженцем ревизионистского подхода, я полагаю, что всем, кто не входит в эту небольшую группу, тоже важно знать об изменениях в совокупности убеждений, которые на протяжении многих веков определяли нравственные представления о войне и по-прежнему влияют на общественное мнение о ее нравственных принципах.

Ревизионистская теория справедливой войны — не доктрина, но направление научной мысли. Ревизионисты во многом не согласны между собой, однако у них есть преимущества: это и давняя традиция размышлений о нравственности войны, которую они исполь-

зуют в качестве фундамента, и более поздняя традиция четко организованного, кропотливого аналитического обдумывания вопросов морали; у последней они заимствуют, помимо прочего, более широкий, чем у их предшественников, диапазон различий и иных аналитических инструментов. Результатом их усилий должно стать новое представление о справедливой войне, не просто существенно отличающееся от традиционной Теории, но и в целом более приемлемое.

Прежде чем перейти к критике Теории, я дам два пояснения. Во-первых, хотя в целом Теория и соответствует международному праву военных конфликтов, предметом теории справедливой войны остается *не закон, но нравственность*. Если бы противоречия и несообразности, о которых я буду говорить ниже, можно было свести к праву, они вызывали бы меньшую тревогу. Закон — это артефакт, суть которого вовсе не в том, чтобы поведать истину о реалиях, не зависящих от действий человека. Поэтому закон допускает существенные разночтения. Однако теорию справедливой войны обычно воспринимают как систему принципов, — скорее записанных, чем разработанных с нуля, — которые дают нам объективное представление о нравственной составляющей войны. Если теория справедливой войны больше, чем просто система условностей, и если предложенные мною далее возражения справедливы, нам необходимо отказаться от традиционной Теории справедливой войны.

Во-вторых, термин «война» неоднозначен. В одном из значений «война» — это совокупность всех военных действий, ведущихся всеми сторонами конфликта. В этом значении говорится о Второй мировой войне. Однако «войной» также можно назвать и военные действия одной стороны — возьмем в качестве примера войну, которую Великобритания вела против Германии в рамках Второй мировой. Мои возражения будут касаться в основном войны во втором значении, поскольку лишь таковые могут быть справедливыми или несправедливыми. Так, хотя война Великобритании против Германии была справедливой, Вторая мировая война в целом не была ни справедливой, ни несправедливой.

Вопрос о допустимых действиях и несправедливой войне

Я перехожу к критике Теории. Как я уже отметил выше, теория справедливой войны различает принципы *jus ad bellum* (право на вступление в войну) и принципы *jus in bello* (правила ведения войны). Согласно Теории, последние не зависят от первых в том смысле, что допустимость действий воюющих не зависит от того,

справедлива или несправедлива война, в которой они участвуют. Все действия, допустимые для тех, кто борется за справедливые цели («справедливые участники войны»), допустимы и для тех, кто борется за несправедливые цели («несправедливые участники войны»). Участники военных действий с обеих сторон имеют одни и те же права, полномочия и обязанности: это так называемое нравственное равенство воюющих сторон, означающее, что, если мы признаем право справедливых комбатантов на участие в военных действиях, мы должны также признать это право и за несправедливыми участниками войны. И те и другие действуют недопустимо лишь в том случае, если нарушают правила *jus in bello*, то есть воюют недопустимым образом.

У этой идеи есть одно непосредственное парадоксальное следствие: если несправедливые участники войны воюют, не нарушая правил ведения войны, все их действия по отдельности считаются допустимыми; в то же время в совокупности эти действия образуют несправедливую, а значит, недопустимую войну. Но как последовательность отдельных допустимых действий может быть недопустимой в целом?

Разрешая этот парадокс, Теория утверждает, что принципы *jus ad bellum* применимы только к государству или к представляющему его правительству. А значит, если государство ведет несправедливую войну, то недопустимо действуют лишь члены правительства, ответственные за решение о вступлении в эту войну. Предположим, к примеру, что армия страны Агрессинии несправедливо вторглась в соседнюю страну Миролюбию и захватила ее. Солдаты агрессивной армии не нарушали принципов *jus in bello*. Однако для того, чтобы разбить армию противника, им пришлось убить более миллиона солдат Миролюбии, причем большинство этих солдат в начале вторжения были гражданскими лицами, которые отправились на фронт добровольцами или были призваны на военную службу лишь для того, чтобы защитить страну от Агрессинии. Если следовать Теории, то *единственные* люди, поступившие неправильно в связи с этим чудовищным кровопролитием, — это кучка агрессивных политических лидеров, которые всю войну просидели в своих кабинетах и никого даже пальцем не тронули.

Такая точка зрения несовместима с нашими представлениями об убийстве в иных контекстах. Принято считать, что человек, непосредственно совершивший убийство, отвечает за смерть жертвы *по меньшей мере* в той же степени, что и его сообщник, заплативший ему или заставивший его совершить убийство. В то же время Теория утверждает, что ответственность за несправедли-

вую войну, которая ведется по правилам *jus in bello*, несут лишь соисполнители, спровоцировавшие убийство (политические лидеры) и, таким образом, поступившие несправедливо; при этом собственно исполнители (несправедливые участники войны) не несут никакой ответственности и не поступают несправедливо.

Однако как несправедливые участники войны могут действовать допустимо в случае, если — и это признает Теория — их цели несправедливы, применяемые ими средства включают намеренное убийство людей, которые не сделали ничего дурного, а в результате их действий погибает также невинное гражданское население? Конечно, они могут быть *оправданы*, то есть признаны не заслуживающими осуждения, в том случае, если они ошибочно, в порядке заблуждения полагают, что их война справедлива, или если они воюют по принуждению. Но это совсем не похоже на допустимые действия в объективном смысле слова, хотя именно о них в данном случае говорит Теория.

Убежденность Теории в том, что несправедливые участники войны не делают ничего дурного, если соблюдают правила, предоставляет правительствам больше возможностей для развязывания несправедливых войн. Сама Теория не дает никаких моральных объяснений тому, почему человек не должен участвовать в несправедливой войне, вне зависимости от того, насколько она несправедлива. Если бы в 1939 году молодой немец обратился к Теории за ответом на вопрос, вступать ли ему в ряды вермахта, то узнал бы, что для него допустимо участвовать в нацистских военных операциях при условии, что он будет соблюдать принципы *jus in bello* (к примеру, не станет намеренно нападать на гражданских лиц). В той мере, в которой Теория определила наши представления о нравственности войны, она также позволила солдатам считать, что допустимо убивать людей, которые просто пытаются защитить себя и окружающих от несправедливой агрессии, при условии что жертвы одеты в военную форму, а убийство совершается по приказу компетентных органов власти.

Нравственные принципы самозащиты

Приверженцы традиционной Теории ищут оправдание своему неслыханному заявлению о том, что солдаты, убивающие людей в ходе несправедливой войны, не делают ничего дурного, если убивают по правилам. Они ссылаются на широко распространенное представление: хотя нападать на *невинных* людей недопустимо, зато нападать на *не-невинных* людей и убивать их вполне может быть

допустимо. Однако Теория придает этим словам особое значение. «Невинный» означает «не представляющий угрозы»: таким образом, во время войны гражданское население считается невинным, а все солдаты — не-невинными. Как следствие, говоря словами Уолцера, право не подвергаться нападению «утрачивают те, кто носит оружие... поскольку они представляют опасность для других людей». Это верно и для справедливых, и для несправедливых участников войны. «Лишь за участие в войне», делает вывод Уолцер, они теряют «право на жизнь... пусть даже они, в отличие от государств-агрессоров, не совершили ничего дурного»². С такой точки зрения любое насильственное действие, совершаемое ради защиты, оправдывает само себя, при условии что оно необходимо и пропорционально.

Подобная интерпретация прав на защиту никак не учитывает разницы между преступными агрессорами и их жертвами или между справедливыми и несправедливыми участниками войн. Право защищаться имеет любой. Такая точка зрения не имеет никаких оправданий вне военного контекста. К примеру, если полицейский вот-вот застрелит бесчинствующего убийцу, убийца не имеет права убить полицейского ради самозащиты, пусть даже для него это единственный способ спастись. В этой и других подобных ситуациях вне военного контекста нравственность самозащиты становится асимметричной: преступные агрессоры и невинные жертвы (а также третьи лица, пытающиеся их защитить) имеют разные права. Жертва имеет и право не подвергаться нападению, и право защищаться, а агрессор — ни того, ни другого. Такое асимметричное представление о нравственности защиты можно обнаружить даже в традиционном понимании прав *jus ad bellum*, поскольку Теория согласна, что нравственность защиты в отношениях между государствами асимметрична. Нравственные принципы защиты сохраняют симметрию только в рамках прав *jus in bello*, применимых к непосредственным участникам войн. А значит, Теория включает две точки зрения на нравственность защиты: асимметричный вариант для государств и симметричный — для непосредственных участников войны.

Самозащита гражданского населения

Согласно второй, симметричной интерпретации, все участники войны могут подвергнуться нападению в порядке защиты просто потому, что представляют угрозу для других. Любопытно, что

2. Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. N.Y.: Basic Books, 1977. P. 136.

при этом считается, будто нападать на них могут только другие военные, но не гражданские лица. Почему? Приверженцы традиционной Теории сказали бы, что гражданские лица имеют право на нападение *ради защиты* только в том случае, если на них намеренно напали, — в подобной ситуации нападающие комбатанты, безусловно, могут подвергнуться нападению со стороны защищающихся гражданских лиц. Однако в действительности есть еще три ситуации, в которых нападение на военных со стороны гражданского населения может считаться защитой:

- гражданские лица могут нападать на участников войны, чтобы не пострадать от непреднамеренных последствий военных действий, то есть чтобы не стать «потерями среди мирного населения»;
- гражданские лица могут нападать на враждебных им участников войны в порядке защиты участников войны, выступающих на их стороне. Не всякая защита есть *самозащита*;
- гражданские лица могут нападать на участников войны, чтобы не пострадать в результате достижения противником целей войны, к примеру ради защиты собственного имущества или свободы: точно так же солдаты воюют, защищая территории или политическую независимость.

Вопрос о самозащите гражданского населения от военных практически не обсуждался в рамках традиционной теории справедливой войны. Однако, поскольку мне представляется крайне маловероятным, что гражданские лица могут не иметь права на самозащиту от намеренного и несправедливого нападения со стороны военных, я буду считать, что Теория допускает первый вариант защиты.

Кроме того, принято считать, что Теория не допускает последний из четырех типов защиты прежде всего потому, что самозащита при подобных обстоятельствах равносильна тому, что человек участвует в войне, не идентифицируя себя с военными и не проводя никаких различий между участниками войны и теми, кто в ней не участвует. (Второй и третий варианты защиты в рамках традиционной Теории обсуждались так мало, что я не стану о них говорить.) Однако если Теория признает за гражданскими лицами право на защиту от солдат, которые в ином случае намеренно нанесут им физический ущерб, то логично предположить, что она также должна признать за ними право на защиту от солдат, которые в ином случае нанесут им ущерб, вызванный поражением в войне (подчинение чужому правительству, которое может отобрать у них земли и прочее имущество, уничтожить их политические институты, отправить их в тюрьму или казнить за попытки сопротивления).

Поскольку последний вид ущерба может быть более длительным, он может оказаться и более значимым, чем ущерб, нанесенный тем же гражданским лицам в результате намеренного, но не летально-го физического нападения. Разве могут гражданские лица получить право защищаться от меньшего ущерба, но не право противостоять большому ущербу, наносимому им одними и теми же людьми?

Пусть Теория и не запрещает гражданским защищаться от намеренных нападений со стороны военных, она все же снижает их нравственный статус, если они решаются на защиту. Дело в том, что гражданские лица, пытающиеся защититься, уже представляют собой угрозу, а потому удовлетворяют критерию Теории и могут подвергнуться нападению. Самозащита превращает их из невинных людей в законную цель. Неважно, что единственная причина, по которой они представляют угрозу, — это несправедливое нападение, которое вынудило их защищаться. А если по этой причине они не несут ответственности за то, что представляют собой угрозу, то ровно по этой же причине справедливые участники войны также не несут ответственности за то, что защищаются от несправедливого нападения на них самих и на их невинных сограждан.

Защитники Теории, безусловно, придут в ужас от вывода о том, что, намеренно нападая на гражданское население, участники войны, в том числе и *несправедливые*, могут создать условия, в которых получают законное право убивать то самое гражданское население ради самозащиты. Однако именно к такому заключению приводит нас Теория.

Последствия утверждения, что на всех участников войны можно нападать

Приведенная выше критика основана в том числе и на гипотезах, поскольку Теория никогда не предлагала полностью эксплицитного и определенного взгляда на допустимость защиты от военных для гражданских лиц. В то же время она всегда четко высказывалась о том, что любые участники войны в любой момент войны могут подвергнуться нападению со стороны других участников (предполагается, что раненые, капитулировавшие или планирующие капитулировать солдаты уже не представляют собой угрозы, а значит, более не считаются участниками войны). Важно обсудить два последствия этого заявления: одно противоречивое, другое — лишь отчасти логичное.

Предположим, что несправедливые участники войны принимают участие в непрекращающихся зверствах, таких как уничтожение гражданского населения. В войну вступают справедливые

участники: они нападают на несправедливых, стремясь прекратить бойню. Согласно Теории, даже несмотря на то что несправедливым участникам войны недопустимо убивать мирное население, они все же действуют допустимо, убивая тех, кто пытается спасти мирное население. Мне сложно представить себе, что *это* допустимо с позиций нравственности.

Еще одно — и, вероятно, даже более дискредитирующее — возражение состоит в следующем: проистекающее из Теории утверждение, что все участники войны могут подвергнуться нападению, поскольку представляют опасность, несовместимо с другим утверждением — что они не делают ничего дурного, когда начинают войну с внезапного удара по немобилизованным силам другого государства. Если нападающие участники войны действуют допустимо, причина этого — в том, что они нападают на законные цели, то есть на тех, кто может подвергнуться нападению. Однако в такой ситуации противник в момент нападения не представляет угрозы, а значит, согласно Теории, не может подвергнуться нападению.

Приверженцы Теории могут ответить, что во время войны любой ее участник представляет угрозу и что состояние войны наступает в момент, когда осуществляется первый акт агрессии. Чтобы понять, насколько правомерно такое замечание, поставьте себя на место американского моряка в Перл-Харборе накануне неожиданной атаки японской авиации и флота. Моряк не сделал ничего, что могло бы лишить его права не подвергаться нападению со стороны японцев. США и Япония не находятся в состоянии войны, а значит, этот моряк не представляет угрозы для Японии. Безусловно, он, скорее всего, попытается защищаться в случае нападения, однако это не означает, что прямо сейчас он представляет собой угрозу для кого бы то ни было. Считать его угрозой в подобной ситуации — значит признать, что большинство людей большую часть своей жизни представляют собой угрозу для других людей, поскольку большинство людей будет защищаться, если на них нападут. Итак, получается, что моряк не представляет собой угрозы, а значит, сохраняет право не подвергаться нападению. В то же время, если верить Теории, японские военные, неожиданно атаковавшие Перл-Харбор, действовали допустимо даже несмотря на то, что совершенное ими нападение нарушило правила *jus ad bellum*. Все дело в том, что эти правила применимы только к правительствам, но не непосредственно к военным.

Однако как можно считать, что японские военные не нарушили принципов *jus in bello*, если они напали и на этого американского моряка, и на множество других моряков, которые не представляли для них угрозы, а значит, не должны были подвергнуться

нападению? Я предполагаю, что ответ, сообразный Теории, будет таким: само по себе нападение японцев уже создало состояние войны, в рамках которого начали действовать нравственные принципы *jus in bello*. Неожиданное нападение, провоцирующее войну, служит сигналом для применения нравственных принципов, которыми она регулируется. Перед атакой состояния войны не было, так что американский моряк имел право не подвергаться нападению. Однако с началом атаки началось и состояние войны, вследствие чего моряк утратил право не подвергаться нападению со стороны солдат противника. Как именно он его утратил? Теория может дать лишь один ответ на этот вопрос: *он утратил его, поскольку на него напали*. Однако такой ответ не может быть справедливым по двум очевидным причинам.

Во-первых, как я отметил, он несовместим с разработанным Теорией критерием ответственности, ведь моряк не был угрозой в момент, когда на него напали. Во-вторых, такой ответ предполагает, что несправедливые участники войны, вступившие в войну путем неожиданного нападения на противника, лишают своих жертв права не подвергаться нападению, просто нападая на них. Однако право не подвергаться нападению, исчезающее в момент, когда на его носителя нападают, вообще не может считаться правом.

Действительно ли у войны иные нравственные принципы?

Выше я заметил, что симметричное представление о нравственности защиты имеет право на существование только в контексте войны. Вероятно, сторонники Теории с этим согласны, поскольку они часто говорят о том, что война крайне не похожа на обычную жизнь и потому ею должны управлять не те принципы, что применяются в любой другой ситуации. Таким образом, разработчики теории справедливой войны отчасти согласны с политическими реалистами, которые также заявляют, что во время войны обычные нравственные принципы неприменимы. Разница в следующем: реалисты решительно заявляют о том, что на смену принципам, регулирующим обычную жизнь, не приходят никакие другие нравственные принципы, так что война в целом оказывается за пределами нравственности; тогда как сторонники традиционной теории справедливой войны лишь скромно замечают, что, когда начинается война, обычное асимметричное представление о праве на защиту перестает применяться к участникам войны, и ему на смену приходит симметричное представление, входящее в свод правил *jus in bello*.

Идея о том, что состояние войны требует применения иного свода нравственных законов, широко распространена, но в корне неправильна. Если бы эта идея была корректна, понятие войны приобрело бы огромное практическое значение. В таком случае решение о том, является ли конкретный конфликт войной, определяло бы, какой именно набор нравственных принципов применим к его участникам. Отдельно взятое убийство могло бы считаться вполне допустимым, если бы конфликт, в рамках которого оно совершено, был признан войной, — или совершенно недопустимым, если бы он не расценивался как война. А значит, разница между войнами и конфликтами, которые ими не являются, должна была бы быть достаточно значимой для того, чтобы объяснить, как одно и то же действие может быть допустимым в одном контексте и недопустимым в другом.

Так какие же критерии позволяют отличить войну от иных конфликтов? В своей недавней колонке в *The New York Times* Джошуа Голдстейн и Стивен Пинкер отметили, что

...обычно под определение [войны] подпадают вооруженные конфликты, в результате которых в бою гибнет не менее 1000 человек в год³.

Однако этот критерий свидетельствует лишь о масштабе конфликта. Объединив его с представлением о том, что во время войны действуют иные, симметричные нравственные принципы, мы придем к абсурдным выводам. Предположим, к примеру, что в ходе вооруженного конфликта между двумя большими группами, длившегося почти год, в бою погибло 990 человек. Если до конца года больше никто не погибнет, представители неправой стороны будут считаться виновными в убийстве. Однако если им удастся убить еще хотя бы десятерых представителей правой стороны, конфликт будет признан войной, а совершенные ими убийства станут допустимыми. Такая логика могла бы заложить основу для потрясающих алхимических опытов в области нравственности, хотя сама идея в данном случае совершенно абсурдна.

С точки зрения закона войной считается ситуация, когда одно государство применяет против другого вооруженные силы, вне зависимости от масштабов или длительности конфликта. Когда начинается война, происходит нечто, весьма значимое юридически: отношения между воюющими государствами начинают регу-

3. Goldstein J. S., Pinker S. War Really Is Going Out of Style // *The New York Times*. 17.12.2011. URL: <https://nyti.ms/2Ddg2Bf>.

лизовать законодательство, применяемое во время вооруженных конфликтов. Однако это совершенно обычное явление, не дающее оснований полагать, что причина, приводящая к применению определенного свода законов, автоматически приводит и к применению иного набора нравственных принципов.

Все дело в том, что однозначного представления о войне не существует. Отличать войны от иных форм вооруженных конфликтов позволяют разные критерии, применяемые в разных контекстах и по разным причинам. В этой связи важно отметить, что сторонники традиционной теории справедливой войны не разработали ни единого критерия, который позволил бы предполагать, что с началом войны действие нравственных принципов, применимых к иным формам вооруженных конфликтов, приостанавливается, и им на смену приходят иные принципы.

Ревизионистская альтернатива

Традиционная теория справедливой войны непоследовательна и во многом полна противоречий: здесь приведены лишь отдельные примеры. Однако это еще не означает, что невозможно составить непротиворечивое представление о справедливой войне. Задачей ревизионистов стало не только выявление проблем в самой Теории, но и разработка альтернативной теории. В том, что касается нравственных принципов, ревизионистский подход приравнивает войну к другим формам вооруженных конфликтов и тем самым отмечает представление о том, что во время войны действуют другие нравственные законы. Согласно ревизионистскому подходу, принципы *jus ad bellum* применяются не только к правительствам, но и к отдельным солдатам, которые в целом не должны участвовать в несправедливых войнах. Ревизионисты отрицают, что правила *jus in bello* могут не зависеть от *jus ad bellum*, и делают вывод о том, что в целом при участии в несправедливой войне невозможно совершать объективно допустимые действия.

Все эти утверждения позволяют заключить, что в основе ревизионистского представления о *jus in bello* лежит асимметричное представление о нравственных принципах защиты. Если справедливых участников войны обычно оправдывает то, что они нападают на несправедливого противника, то несправедливые участники войны, в свою очередь, вряд ли могут оправдать свои действия тем, что нападают на справедливого противника. Важное исключение составляют случаи, когда справедливые участники войны действуют недопустимо, к примеру добиваются справедливых це-

лей недопустимыми методами. Однако тот факт, что большинство военных действий, совершаемых несправедливыми участниками войны, объективно недопустимы, не означает, что эти участники достойны порицания или заслуживают наказания. Ревизионисты признают, что участники войны действуют под давлением и не уверены ни в фактической, ни в нравственной подоплеке своих действий. Обычно такие смягчающие обстоятельства уменьшают бремя ответственности за причиненное зло, а порой даже делают некоторые действия полностью объяснимыми, хотя и не оправдывают их в объективном плане. Многие ревизионисты, и я в их числе, полагают, что в современных условиях было бы нечестно и непродуктивно подвергать солдат предусмотренному законом наказанию за одно лишь участие в несправедливой войне.

Как следствие, ревизионисты признают, что по меньшей мере сегодня принципы *jus in bello*, входящие в законы войны, должны быть симметричны — хотя бы по большей части — как для справедливых, так и для несправедливых участников войны. Иными словами, ревизионисты полагают, что законы войны, применимые к ее участникам, сегодня не должны быть связаны не только с нравственными законами, но и с уголовным законодательством, действующим внутри конкретных стран и закрепляющим асимметричные права на защиту за преступными агрессорами и их потенциальными жертвами. Основная причина этого — в отсутствии общедоступных, надежных с точки зрения как нравственности, так и закона способов отличить справедливые войны от несправедливых, а также в отсутствии беспристрастного, наднационального механизма применения асимметричного свода правил. Ревизионисты возлагают надежду на то, что их работа может стать руководством для создания новых международных институтов, которые сумеют пересмотреть законы вооруженных конфликтов и привести их в большее соответствие с нравственным законом.

Библиография

- Goldstein J. S., Pinker S. War Really Is Going Out of Style // The New York Times. 17.12.2011. URL: <http://nyti.ms/2Ddg2Bf>.
- McMahan J. Rethinking the “Just War”, Part 1 // Opinionator. 11.11.2012. URL: <http://opinionator.blogs.nytimes.com/2012/11/11/rethinking-the-just-war-part-1>.
- McMahan J. Rethinking the “Just War”, Part 2 // Opinionator. 12.11.2012. URL: <http://opinionator.blogs.nytimes.com/2012/11/12/rethinking-the-just-war-part-2>.
- Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. N.Y.: Basic Books, 1977.

RETHINKING THE JUST WAR

JEFF MCMAHAN. White's Professor of Moral Philosophy, Faculty of Philosophy,
jeff.mcmahan@philosophy.ox.ac.uk.
University of Oxford, Corpus Christi College, OX1 4JF Oxford, United Kingdom.

Keywords: just war theory; modern ethics; analytical ethics; new wars; revisionist just war theory; justice; international law; noncombatants; self-defense.

The article offers a retrospective analysis of the genesis of the just war theory and analyzes the reasons behind controversies over the concept in modern ethical thinking. The author emphasizes that the development of the just war theory throughout its history since Augustine was generally governed by a uniform approach rooted in common ethical concepts through each succeeding era. From the nineteenth century to the end of the twentieth, the theory evolved in close coordination with international law; at the conceptual level the just war theory began to merge with the UN Charter and the Geneva Conventions.

Just war theory is now the starting point for both the professional military establishment and also for anyone judging the morality of a conflict. Nevertheless, the definitive status of this set of ethical views is increasingly coming into question. These doubts are to a great extent connected with transformations in the practice of war itself. The changing actors in armed conflicts constitute a challenge to the view that states rather than individual combatants are responsible for them. The true subject of just war theory is not law but morality, a fact often overlooked in the practical application of its ideas. Traditional just war theory has only limited application when the increasing inclusion of civilians in armed conflicts is taken into account. The theory papers over a number of contradictions rooted in the desire to create a set of codified rules for management of conflict while excluding the question of the justice of war itself. All these considerations lead ultimately to a revisionist theory of just war, which will be free from the shortcomings exposed by the author.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-3-139-155

References

- Goldstein J. S., Pinker S. War Really Is Going Out of Style. *The New York Times*, December 17, 2011. Available at: <http://nyti.ms/2Ddg2Bf>.
- McMahan J. Rethinking the "Just War", Part 1. *Opinionator*, November 11, 2012. Available at: <http://opinionator.blogs.nytimes.com/2012/11/11/rethinking-the-just-war-part-1>.
- McMahan J. Rethinking the "Just War", Part 2. *Opinionator*. November 12, 2012. Available at: <http://opinionator.blogs.nytimes.com/2012/11/12/rethinking-the-just-war-part-2>.
- Walzer M. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*, New York, Basic Books, 1977.